

Н. Б. Граматчикова

СЕВЕРНЫЙ УРАЛ: МАРШРУТЫ ПОИСКА, ИСПЫТАНИЯ И БЕГСТВА

АННОТАЦИЯ. Сюжетную основу статьи составляет анализ исследовательских стратегий путешественников и ученых второй половины XIX — первой трети XX в., связанных с поисками и охраной исчезающих видов пушных животных (западно-сибирского бобра и соболя) на Северном Урале и в Приобье, а также последующей организацией Северно-Уральского государственного охотничьего заповедника (СУГОЗ, позднее — Кондо-Сосьвинского, 1929–1951 гг.). Материалами служат художественные и публицистические произведения, эго-документы ученых-путешественников рубежа XIX–XX в. (И. Полякова, К. Носилова, П. Инфантьева), монографии биологов — сотрудников заповедника, а также фонды первого директора заповедника В. Васильева и научных сотрудников из музея заповедника «Малая Сосьва» (преемника СУГОЗа и Кондо-Сосвинского заповедника)*. Некоторые тексты впервые вводятся в научный оборот, предоставляя возможность проследить разнообразие исследовательских позиций, их зависимость от потребностей времени, личности ученого и историко-культурной ситуации эпохи. Материалы ученых XIX и XX вв., разделенные социальной катастрофой революции и Гражданской войны, обнаруживают стойкую тенденцию нераздельности биологии и этнографии в путевых заметках и описаниях ареалов распространения бобров. Определяется соотношение этнографии и биологии, колониального и постколониального дискурсов, центробежных и центростремительных тенденций Уральского региона в отношении российской государственности, обнаруживается взаимозависимость природоохранной и управленческой деятельности, позволяя расширить спектр применяемой к данным текстам исследовательской оптики.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: западно-сибирский бобр, манси (вогулы), ханты (остяки), И. Поляков, П. Инфантьев, К. Носилов, В. Васильев, В. Скалон, Северно-Уральский государственный охотничий заповедник (Кондо-Сосвинский заповедник «Малая Сосьва»)

УДК 39:504.06(571.1)

DOI 10.31250/2618-8619-2019-1(3)-117-128

ГРАМАТЧИКОВА НАТАЛЬЯ БОРИСОВНА — к.филол.н., н.с. сектора истории литературы, Институт истории и археологии УрО РАН; доцент кафедры русской и зарубежной литературы департамента «Филологический факультет» Уральского гуманитарного института, Уральский федеральный университет им. первого Президента России Б. Н. Ельцина (Россия, Екатеринбург)
E-mail: n.gramatchikova@gmail.com

* Автор статьи сердечно благодарит директора заповедника «Малая Сосьва» им. В. В. Раевского Бориса Витальевича Предита за возможность работать с материалами музейных фондов.

Во второй половине XIX в. Северный Урал еще сохранял удаленность и экзотичность относительно центральной части России. Одним из сюжетов его очередного освоения в это время становится экологическая тема, связанная с поиском и восстановлением практически уничтоженного поголовья пушных зверей. Разнообразие исследовательских стратегий ученых-путешественников по Северному Уралу и Приобью демонстрирует, в частности, поиск колоний редчайшего западно-сибирского бобра.

«БОБР ЕЩЕ НЕ СОВЕРШЕННО ВЫМЕР, КАК И ОСТЯКИ»: ЕСТЕСТВЕННО-НАУЧНОЕ ОПИСАНИЕ В КОНТЕКСТЕ ЭТНОГРАФИИ ВТОРОЙ ПОЛОВИНЫ XIX в.

В 1892 г. путешественник и литератор Константин Носилов (1858–1923) совместно с Порфирием Инфантьевым (1860–1913) отправляется к реке Конде, имея задание по поиску экземпляра западно-сибирского бобра для предоставления чучела в Зоологический музей. Экспедиция окажется успешной, однако ей предшествовал опыт нескольких неудач. Среди них Носилов упоминает собственное путешествие по Конде в 1883 г., когда для музея удалось добыть у вогула¹ лишь бобровую шкуру (без головы) (Носилов 1968: 63), и более ранний печальный итог попытки Академии наук получить чучело «уральского бобра» в 1876 г. Тогда зоолог Иван Поляков (1845–1887), сотрудник Императорского Зоологического музея, путешествуя по Оби, нанял для добычи бобра местного охотника Федора Алексеева, чей промысел закончился трагически: год спустя того нашли мертвым в охотничьем шалаше².

В отчете об экспедиции на Оби Поляков описывает бобров как «повсеместно исчезнувшее» животное: ему удастся приобрести лишь пять бобровых шкур, «хотя и не целых, без лап и хвоста» (Поляков 1884: 38). Поляков связывает само существование бобров с жизнью коренного населения этих мест: «Бобр еще не совершенно вымер, как и остяки; в большинстве случаев исчезновение бобра совпадало с вымиранием первобытных жителей и, по-видимому, для здешнего края этот вывод может быть частью приложен. Я сделал довольно много различных наблюдений над жизнью остяков и пришел к заключению, что они несомненно уменьшаются в количестве» (Там же: 38–39).

В очерке «Старинное и современное Лукоморье» (1884) И. Поляков представляет полное и целостное описание природного мира Приобья и этнографии местного остяцкого населения, сформированное на основе рассказов остяков (хантов) и самоедов (ненцев). В повествовании Полякова черты этнографического, естественно-научного и фольклорного изложения сплавлены до нерасторжимости³. Остяк у Полякова целиком зависит от охотничьего и рыболовного промысла, глубоко зная и любя окружающую его природу: «Остяк не только бережет лес, но и обожает его...» (Поляков 1884: 153). Связь остяков с миром природы сложнее системы «пищевых цепочек». Например, «собака послана на землю тою же духовною, высшею силою, которой происхождением обязан сам Остяк, которая наперед предначертала ему занятия, труд и бедность» (Там же: 155). Выразительные

¹ В ряде случаев в этой статье сохраняются принятые в обозначенный период названия этнических групп (вогулы, остяки и др.) во избежание стилистического разнобоя.

² К. Носилов и И. Поляков приводят различные версии гибели вогула Ф. Алексеева: Носилов указывает, что Алексейев был найден мертвым вместе с сыном и вскрытие показало их смерть от голода (Носилов 1968), Поляков приводит версию убийства охотника конкурентами, ссылаясь на показания сына, нашедшего отца мертвым (Поляков 1884: 164–165). Позднее В. Васильев оценивает эту смерть как эпизод захвата охотничьих угодий со стороны манси, относя жертву — Алексеева (Дунаева) — к хантам (Васильев 1927: 8).

³ Например, ярмарка в Обдорске под пером И. Полякова «превращается в обширный, своеобразный зоологический сад; в нем идет борьба детей царства морошки, песка, северного оленя с представителями зрелого, но изъеденного спорыньей ржаного колоса» (Поляков 1884: 170–171).

описания лося и медведя, почти истребленного соболя у Полякова сопровождаются пересказами мифологических преданий, а священные места коренного населения играют роль резерватов для некоторых видов промысловых животных (Там же: 156). Образ жизни «доживающего последние дни» речного бобра также приводится им со слов знающих охотников: «Остяков до такой степени поражает ум, сметливость и трудолюбие бобров, что они предполагают в них много человеческого» (Там же: 163). Как следствие, описание бобров у Полякова антропоморфизировано: бобры-хозяева теснят бобров-пришельцев со своей реки; трапезы в «столовой» чередуются с отдыхом в уютной «спальне»; молодые бобровые пары, отделяющиеся от колонии, сопровождаются напутствием: «“Старики”-бобры, отец и мать, отделяя от своей общины самца и самку... говорят им: “Идите, да там, в другом месте и устраивайтесь!”» (Там же). Бобры, по мнению остяков, понимают человеческий язык, что не мешает охоте на бобров из-за шкур и бобровой струи, активно используемой в очистительных обрядах. Однако количество добытых бобров не превышает 20 штук в год на удачливого охотника, а «целого бобра» Поляков так и не увидел.

В 1892 г. К. Носилов отправился в путь с проводником-вогулом Савелием и через два дня пешего пути обнаружил сначала разоренные промышленниками бобровые хатки (реки Соусма и Нюр), затем целые, но покинутые животными жилища (река Ух), и добыл бобра — «самца в пуд весом», чучело которого отправилось в Зоологический музей⁴. Носилов приводит подробное описание устройства бобровой колонии в березовой роще⁵, однако главным результатом путешествия, как и многих других его экспедиций, становятся очерки, содержащие беллетристические описания пережитого и значительно отличающиеся от вышедших ранее текстов П. Инфантьева, приглашенного им в путешествие на Конду.

Книга очерков П. Инфантьева по результатам этой поездки — «Путешествие в страну вогулов» (1910)⁶ построена по дескриптивному принципу, ее поэтика традиционна для очеркового и травеложного жанра. В надежде удалиться от «сомнительных благ цивилизации» Инфантьев оказывается перед лицом иной, не романтической реальности. Описание быта и нравов вогулов (манси) у Инфантьева находится в русле доминантной на тот момент оппозиции «цивилизованность/дикость». До путешествия «дикость» наделяется им руссоистской ценностью «неиспорченного», обещающая возможность «дышать вольным воздухом на груди матери-природы в обществе первобытного человека, еще не развращенного ни алчностью наживы, ни другими добродетелями нашего просвещенного века, вдали от всяких тревог» (Инфантьев 1910: 3). Однако далее Инфантьев добросовестно протоколирует «грязь» (особенно в практиках приготовления пищи), засилье кровососущих насекомых, отсутствие медицины, катастрофическое состояние дорог. Степень цивилизованности «инородцев» Инфантьевым оценивается по степени их восприимчивости к русским хозяйственно-бытовым практикам, а приверженность к ценностям собственной культуры неизменно расценивается автором как неразвитость и упрямство (например, отказ женщин варить губы лося и медвежью ногу).

⁴ Путешествие 1892 г. за бобром было не первым для К. Носилова: в 1886 г. он отправляет чучело бобра, добытого Кузьмой Санбанталовым, в Зоологический музей Академии наук. Ф. Штильмарк указывает, что именно по этому экземпляру зоологом М. К. Серебрянниковым в 1929 г. (через 43 года!) было выполнено описание особого подвида западно-сибирского бобра (*Castor fiber pohloi Serebrennikov 1929*) (Штильмарк 2002: гл. 1).

⁵ На тот момент Носилов был, по утверждению биолога В. Павлинина, первым европейцем, посетившим колонию бобров в бассейне Конды и Сосьвы (экспедиция немцев О. Финша и А. Брема 1876 г. прошла в стороне от тех мест), однако результаты носиловских исследований «своевременно не были опубликованы» (Носилов 1968: 65). Историю опубликованного в 1968 г. фрагмента рукописи К. Носилова о бобрах см.: (Курочкин 1968).

⁶ Первоначально Инфантьев описал эту поездку в книге «Путешествие к лесным людям» (1898), а через 12 лет опубликовал вдвое увеличенный вариант очерков «Путешествия в страну вогулов» (1910), в котором текст оживлен диалогами и появляется сюжет о бобрах, отсутствующий в первом сборнике (гл. 8 — «Поездка к жилищам бобров») (Инфантьев 1898).

Парадоксальным итогом этого путешествия для П. Инфантьева становится «этнографический поворот», открывший новую сторону его писательского дарования. В дальнейшем популярность ждала его как раз в жанре этнографической беллетристики: по общей схеме им написано более 40 книг с описаниями народов империи, рассчитанными на просвещение самых широких масс. Инициатор же поездки К. Носилов не оставил путевых очерков, но впоследствии многократно обращался к описаниям природы Северного Урала, жизни и быта вогулов (манси) и остяков (хантов): («В снегах» (1900), «На охоте» (1900), «Среди наших инородцев» (1903), «У вогулов» (1904), «В лесах» (1910) и др.). Специфика носиловского отношения к представителям иных народов, художественно закреплённая им в цикле очерков о Новой Земле (1903), заключается в замене (не вполне последовательной) колониального дискурса более актуальным для автора языком сотрудничества с проводниками и охотниками, отношениями приязни и дружбы, состязательности и др. Заманчивой целью Носилова-исследователя и этнографа была попытка «дойти до конца» в деле погружения в иную культуру, однако участие в вогульском жертвоприношении обернулось серьёзным испытанием и эмоциональной травмой для автора («Из жизни вогулов», 1897)⁷.

Уральский исследовательский сюжет вызревает у Носилова в особое историческое видение перспектив развития региона, где древняя история обретает для него личный биографический смысл («По следам князя Курбского»). В 1918 г., когда Екатеринбург находился под управлением Сибирского правительства Колчака, Носилов публикует своеобразный манифест — очерк «Автономный Урал»⁸. Идея обособления «горнозаводского и общественного Урала» высказана в нем прямо, обоснована текущим состоянием дел (высоким уровнем развития земства, прочной деловой репутацией для Европейской России) и подана Носиловым как заслуженное право Урала и естественный шаг на пути его предназначения: быть в сердце России, «развернуть... естественные силы», обретя свободу, помочь нуждающимся. Пределы Автономного Урала Носилов видит широкими: от Новой Земли на Севере вниз по течению Оби (оставив Сибири Тобольск) через Туринск, Ирбит, Тюмень, Ялуторовск, Курган, Кустанай, Тургай, далее по течению реки Урал через Уфу, Мензелинск, Глазов, до устья Индиги через Усть-Сысольск. Высказанные в очерке мысли Носилов определяет как «давние и затаенные» мечты человека, движимого горячей любовью к краю неисчерпаемых природных и минеральных богатств: «Я вдумывался в него еще тогда, когда нельзя было даже мечтать об автономии, и можно было только любить его, работать для него, знать его и лелеять мысль об его светлом будущем как окраине Европейской России и Сибири» (Охапкин 2012: 131).

Интонация очерка глубоко доверительная, а не полемичная. Характерная для кризисных моментов российской государственности идея автономии Урала становится у Носилова маркером нового этапа в эволюции региональной идентичности — желания «новой жизни» «для себя самого», «для автономного Урала, родного, близкого, дорогого». Пронзительное и очевидное для современного читателя прощальное звучание очерка (лишь усугубляемое авторской устремленностью в несбывшееся будущее) контрастирует с открывшейся в 1918 г. возможностью высказать неотступную и заманчивую мечту уральцев о независимости, «которая родилась вместе с этим Уралом и умрет вместе с ним» (Охапкин 2012: 133).

⁷ Интерпретацию сюжета очерка «Из жизни вогулов» как непройденной инициации см.: (Созина 2014). Однако весь контекст книги очерков «У вогулов», ее композиция и тематика последующих очерков дает основания для более оптимистичной трактовки последствий опыта включенного наблюдения у Носилова.

⁸ В книге биографа К. Носилова Ю. Охапкина приводится текст очерка целиком с указанием выходных данных первой публикации: Носилов К. Д. Автономный Урал // Записная книжка-календарь Уральского кооператора на 1919 год. 1918. С. 72–76 (Охапкин 2012: 130–133).

Таким образом, во второй половине XIX в. природоохранная деятельность оказывается нерас- торжима с этнографией, что обусловлено той ролью источника сведений о редких животных, кото- рую играет местное население по отношению к исследователям-биологам. Рецепция этих сведе- ний в текстах путешественников обнаруживает известную дистанцированность, однако одновременно находится в сильнейшей, иногда тотальной, зависимости от тех сюжетов и верова- ний, которые транслируют местные жители. Между тем существует корреляция между интонаци- ей описаний образа жизни животных и быта «инородцев» в очерках ученых-путешественников: животные антропоморфизируются, аборигенное население часто маркируется зооморфными мета- формами. В этот период экспедиции не носят системного характера и остаются уделом одиночек- энтузиастов, которые демонстрируют высокую степень независимости, а их размышления о пер- спективах развития региона в кризисные моменты приводит к переоценке сложившейся иерархии субъектов власти.

ПАРАДОКСЫ ОХОТНИЧЬЕГО ЗАПОВЕДНИКА: ЭТИЧЕСКИЕ ИМПЕРАТИВЫ ОХРАНЫ ПРИРОДЫ В 1920–1930-х гг.

Историческим контекстом нового экспедиционного этапа в конце 1920-х гг. становится по- требность государства в экспорте пушнины как источнике валюты для импорта техники, поэтому в числе первых организуются соболиные и бобровые заповедники. В 1926 г. по заданию Тобокрплана (Тобольской окружной плановой комиссии) охотовед Владимир Васильев (1889–1941) командиро- ван на обследование водораздела верховьев рек Большой и Малой Сосьвы и Конды. По итогам этой поездки он составляет «Отчетную докладную записку» (Васильев 1927), где приводит обзор территории и свои выводы относительно перспектив пушного звероводства на Урале.

Путь Васильева из Тобольска до конечной точки обследования — юрт Хангокуртских — со- ставлял около 1 000 верст, в основном по воде. В Хангокурте Васильев находит проводников-хан- тов Сидора Марцинова и Алексея Маремьянова, оказавшихся лучшими промышленниками на Малой Сосьве и ставшими затем сотрудниками заповедника (Васильев 1927: 1). В условиях скуд- ного финансирования Васильев вынужден передвигаться по родовым угодьям манси и хантов большей частью в одиночку, не исключая святых мест, куда проводники отказывались его сопрово- ждать. Всего за пять месяцев им было изучено до 3 000 кв. верст и пройдено около 4 000 верст (по воде, пешком, на оленях и на лошадях). В итоге Васильев обнаружил бобровые поселения на 36 ре- ках, и задание по поиску «охотпромысловых возможностей» в отношении «ценнейших представи- телей фауны Республики — бобра и соболя» было выполнено (Васильев 1927)⁹.

Осенью 1926 г. в Тобольском округе действовал запрет на приемку собольих шкурок, однако «торговые организации с. Бурмантова Никито-Ивдельского района Н. Тагильского округа соболей осенью 26 г. принимали беспрепятственно по средней цене 37 р. 50 к. Скупщиков же на местах не было, т. к. знали о производимом мною обследовании [Пеликовы Николай и Иван] и боялись встре- чи», — указывает в примечании Васильев, из чего ясен и характер «зав.п./отделом Охоты Тобокрзу»

⁹ Васильев лишь раз, но вполне исчерпывающе характеризует условия, в которых проходило обследование, упоминая природные и финансовые трудности, однако ясно, что они были не единственными. «Условия обследования были крайне тяжелые, сопря- женные со всевозможными лишениями. Не имея средств нанять проводника-нартовщика, я принужден был ходить за 100– 120 верст и жить по неделям один, таская запас продовольствия котомками на себе, и ночевать во всякую погоду под открытым небом, что особенно сказывалось с наступлением морозов. На вершине р. Конды пришлось голодать. При поездке на р. Тапсуй поморозил пальцы ног; но особенное мучение доставляло исключительное большое количество насекомых всех родов оружия, наполняющих остяцкие юрты» (Васильев 1927: 2–3).

(заведующего подотделом охоты Тобольского окружного земельного управления), и дополнительные факторы риска его командировки (Васильев 1927: 15). Полномочия Васильева, очевидно, были достаточно велики, как и его инициатива и самостоятельность: завершив обследование, 15 января 1927 г. он созывает «собрание уполномоченных представителей и промышленников с рек М. Сосвы, Тапсуя и Ворьегана» (Васильев 1927: 2), где озвучивает новый режим хозяйствования.

Эта экспедиция охотоведа В. Васильева должна быть рассмотрена в контексте становления новых стандартов природоохранной деятельности, сформулированных еще в начале XX в., но в силу превратностей отечественной истории реализующихся с некоторыми «поправками». Идею абсолютной заповедности в отечественной науке последовательно отстаивал Григорий Кожевников (1866–1933) — один из основателей и первый председатель Всероссийского общества охраны природы. Кожевников, опираясь на идеи немецкого ученого Гуго Конвентца (1855–1922)¹⁰, сформулировал этический императив природоохранной деятельности: «Не надо ничего устранять, ничего добавлять, ничего улучшать. Надо предоставить природе самой себе и наблюдать результаты» (Борейко, Парникоза 2017: 30). Он предложил создавать на больших малоизмененных природных территориях заповедники для соблюдения прав дикой природы на существование и проведение долговременных научных исследований. О духовной ценности заповедников Кожевников заявлял в статье «Монастыри и охрана природы» (1913), где сопоставлял устройство заповедника «с самой идеей монастыря, для которого общение с нетронутой, первобытной природой дает превосходную почву для созерцания и самоуглубления» (цит. по: Борейко, Парникоза 2017: 28).

В условиях 1920-х гг., при катастрофическом падении ценности человеческой жизни и насущной потребности государства в валюте, ожидать соблюдения этических императивов в отношении дикой природы было наивно. Столкновение интересов практического охотхозяйства и соблюдения строгого природоохранного режима было неизбежно при организации заповедника, в самом названии которого заключался неустраняемый парадокс: Северо-Уральский государственный охотничий заповедник (СУГОЗ). Предполагалось, что в заповедной зоне будут созданы условия для размножения животных, а по соседству возможен их отстрел в промышленных масштабах. Историческим моментом был востребован определенный тип руководителя: решительный, практичный, самостоятельный, способный брать на себя ответственность и решать задачи разнообразными методами, руководствуясь не столько этическими императивами, сколько государственными приоритетами и соображениями прагматики. Владимир Васильев соответствовал типу «первых советских директоров» и в марте 1929 г. выехал из Тобольска для организации СУГОЗа¹¹.

DIVIDE ET IMPERA

История заповедника, сотканная из судеб людей, связавших с ним свои жизни, неизбежно обнаруживает лакуны, хотя СУГОЗу (с 1934 г. — Кондо-Сосвинский боброво-соболиный заповедник) повезло: основные этапы его существования до ликвидации в 1951 г. отражены в книге биолога и публициста Ф. Штильмарка (2002). Самостоятельной научной проблемой представляется

¹⁰ Г. Конвентц в 1904 г. в труде «Практика охраны памятников природы» сформулировал философию охраны памятников природы, к которым относил живые организмы, участки ландшафта и ландшафт целиком, заявляя о необходимости введения особой категории памятников, пользующихся «абсолютной защитой», где запрещено любое вмешательство в экосистему. С опорой на труды и философию Конвентца в Германии уже в 1906 г. была создана инстанция, ответственная за охрану памятников природы, — Прусская государственная комиссия по охране памятников природы. Фигура Конвентца интересна сочетанием в его наследии философско-теоретических программных и пропагандистско-просветительских работ, ориентированных на разные слои населения, включая школьников. Подробнее о нем см.: (Мукало 2013; Борейко, Парникоза 2017: 13–19).

¹¹ Приказ № 1 от 11 марта 1929 года // Архив музея-заповедника «Малая Сосьва» им. В. В. Раевского.

исследование востребованности в разных культурно-исторических контекстах различных образов природоохранителей на основе биографических и документальных источников. Фигура первого директора СУГОЗа В. Васильева дает богатый материал для этого.

«Текст о Васильеве» состоит (в хронологическом порядке) из написанных им самим материалов (рукописи, научные публикации в журналах, служебные записки, полевые дневники), очерка В. Бианки «Васька-Ойка-Суд», очерка вдовы директора Марии Александровны Васильевой (1977–1979), воспоминаний некоторых сотрудников заповедника и книги Ф. Штильмарка «На службе природе и науке» (2002).

В масштабе статьи уместно наметить лишь первоочередные направления работы. Все тексты о Васильеве, по отношению к культовой фигуре которого поляризовались мнения сотрудников, можно разделить на несколько групп. Служебные документы Васильева адресованы «внешнему пользователю» и транслируют образ директора, допущенный внутренней цензурой самого Васильева. Воспоминания вдовы и сотрудников написаны для истории заповедника, в них сильно влияние официального дискурса 1970х гг., который приглушает, но не заглушает приверженность конкретных авторов к лагерю «за» или «против» Васильева в конфликте конца 1930-х гг. Книга Ф. Штильмарка написана как максимально объективное и в то же время эмоционально-включенное изложение истории заповедника (специфика жанра «документальной повести»). Штильмарк знал историю заповедника как никто другой (работа в архивах, десятилетия личной переписки и дружбы с большим кругом сотрудников и их родственников). Авторская позиция Штильмарка далека от нейтральной и прочитывается через объем приводимых им свидетельств. Тем не менее он имел свой взгляд на смысл природоохранной деятельности, а также оказался связан собственными этическими принципами, не позволившими ему опубликовать в полном объеме материал, доступный в силу включенности в систему дружеских и профессиональных связей.

В этом ряду очерк В. Бианки выделяется установкой на романтизацию и мифологизацию героя, с которым автор был лично знаком и которому глубоко сочувствовал. Создавая зарисовку-легенду о человеке, заслужившем у местных уважительное имя «Васька-Ойка-Суд», Бианки вписывает образ «нашего Кожаного Чулка» в широкий общемировой культурный контекст.

«Медленное чтение» служебных документов Васильева позволяет составить представление о нем как о человеке и руководителе, понять условия, в которых он работал, реконструировать его систему ценностей и приоритетов, тем более что «Отчетная докладная записка» обнаруживает системное мышление автора, практическую устремленность его наблюдений, стройную логику изложения и ясную композицию. Она мультижанрова, значительная часть ее представляет собой этнографический очерк, в котором Васильев определяет место бобра в мифологических представлениях и ритуальных практиках хантов: «Приписывая бобру многие свойства человека и считая бобра животным высшего порядка, к числу которых относятся также медведь, соболь и лось, остяки вовсе не считают бобра священным животным» (Васильев 1927: 7). Промысел бобра остяками (хантами) на Малой Сосьве не ведется¹², постоянное же пополнение запасов бобровой струи производится от «случайно добытых бобров <...> из-за поверья, что не убитый встретившийся бобр принесет болезнь, кончающуюся смертью» (Там же). Окуривание бобровой струей, согласно Васильеву, неустранимо из жизни обских угров как часть ежемесячного женского очищения, без

¹² По сведениям Васильева, в 1926 г. хантами убито два бобра. Между тем вогулы (манси), согласно «Отчетной докладной записке», ведут активный бобровый промысел, публично отрицая самый факт его. Васильев утверждает, что не представляется возможным установить конкретные цифры, однако объявляет вогулов «злейшими врагами» бобра, определяя цифру дохода с одной бобровой шкуры в 600–800 рублей.

чего они обходиться не могут, «и никакая агитпропаганда не в состоянии искоренить этого понятия до появления среди тузнаселения грамотности» (Там же). Сравнение окуривания струей у хантов с курением ладана в православной церкви парадоксальным образом уравнивает в записке Васильева религиозные практики доминирующих и доминируемых как «равно отживших», но глубоко укорененных в культуре и потому неизбежно принимаемых во внимание.

В отличие от предыдущих путешественников-исследователей, Васильеву нужно было не только найти бобров, но и наметить пути для увеличения их популяции на обширной удаленной территории, населенной этническими группами с разнообразной хозяйственной деятельностью. В связи с этим важной частью «Отчетной докладной записки» становится стратификация населения Северного Урала по ведущему типу деятельности: звероловы / рыболовы / скотоводы / оленеводы / земледельцы. Обзор природных и человеческих ресурсов территории, который производит Васильев, демонстрирует уверенный менеджерский подход к ситуации, соединяя возможности контроля и сохранения авторитета власти с пониманием и уважением к витальным потребностям людей. Между тем из этого первого в истории заповедника документа видно, что командированный на Север Васильев вынужден лавировать между выполнением служебного задания, сохранением авторитета государственной власти, интересами местного населения и собственной безопасностью. Опорой будущего природоохранного предприятия Васильев предполагает сделать малососьвинских хантов, «чистых звероловов», противопоставляя их «захватчикам охотничьих угодий» (тапсуйским манси) и «растлевающим туземное население» русским староверам (выходцам с Печоры)¹³. Именно звероловы, когда-то бывшие самой богатой и независимой группой, ныне оказались в нищенском положении из-за истощения пушных запасов округа (для Васильева падение их заработков — индикатор катастрофического положения с поголовьем соболя (Васильев 1927: 11)). Желая обеспечить лояльность этой группы, возложив на них обязанности по восстановлению и поддержанию прежнего, дореволюционного порядка промысла, Васильев принимает решение, кажущееся парадоксальным на фоне перспективы организации заповедника: он разрешает соболий промысел малососьвинским манси, оглашает это на собрании и обосновывает в «Отчетной докладной записке»¹⁴. Васильев видит выход в возвращении к прежней системе распределения охотничьих угодий при условии выделения земли святынь как заповедной и ограничения прав некоторых групп на промысел¹⁵.

Организатор СУГОЗа — прежде всего реалист и практик: для него императив полной заповедности находится в противоречии с традиционным образом жизни местного населения¹⁶, и переломить эту тенденцию немногочисленным сотрудникам, по его мнению, будет не под силу.

¹³ Парадоксальная характеристика старообрядцев с Печоры, данная Васильевым («Живут обособленно, сплоченно и дружно, слывя среди тузнаселения за первейших мошенников и воров <...> умудряются выращивать овес, ячмень и рожь, доказывая возможность земледелия на высоких градусах с. ш.» (Васильев 1927: 18)) напоминает характеристику богатых, но настораживающих автора «плутов»-зырян в очерках С. Максимова «Год на Севере» (1859).

¹⁴ Решение Васильева обосновано четырьмя причинами: первые две — экономические («покупная способность» населения исчерпана, кредитование закрыто за долги, а голодные смерти в 1927 г. не уменьшились); третья — исследовательская (промысел позволит выявить «действительные запасы соболя водораздела»); четвертая (last, but not least) — политическая («разрешение соболевого промысла М. Сосьвинским осяжкам создавало наилучшие взаимоотношения с ними и тем самым обеспечивало успех детального выполнения порученного мне обследования») (Васильев 1927: 11).

¹⁵ В результате Васильев на собрании 15 января 1927 г. сдал в аренду на десять лет местному «тузнаселению» все промысловые угодья, исключив под заповедники площади святых мест. Относительно исчезающего бобра «единственной мерой, достигающей своей цели, будет учреждение заповедника в районах его распространения с правильно организованной охраной и наблюдениями и разрешение ввоза бобровой струи» (Васильев 1927: 22). Организованный двумя годами позже СУГОЗ занял гораздо большую, чем предполагал Васильев, площадь.

¹⁶ «Местные инородцы — с искони соболятники, добывать соболя будут, но таясь от закона, сбывать соболю шкурки станут за 1/3 цены старым и новым “дружкам”. Под видом же промысла белки в район водораздела по-прежнему будут стекаться хищники и выкоренят соболя начисто» (Васильев 1927: 21).

Кроме того, картина бедственного положения жителей Северного Урала, видимо, действительно потрясла его, поскольку в записке возникает редкая для того времени тема нравственного табу: «Запретить производство этого промысла туземному населению, при его нынешнем экономическом положении мы не имеем нравственного права» (Васильев 1927: 20). Насущной необходимостью Васильеву видится общее экономическое оздоровление территории: выйти из «вакханалии безотчетности» (Там же: 16), «начать в срочном порядке промысловое устройство Тобсевера» (Там же: 30), помочь местному населению погасить задолженности¹⁷. Таким образом, формирование будущего авторитета «Ойки» («Старика») Васильева среди местного населения восходит еще к 1926 г., поскольку заканчивает он служебную записку добросовестным перечислением просьб и нужд людей, собранных на Северном Урале¹⁸.

ВАСЬКА-ЦАРЬ И ВАСЬКА-ШАЙТАН

Итак, в 1929 г. был создан СУГОЗ — первый заповедник Западной Сибири — с целью сохранения типичного промыслового комплекса западно-сибирской тайги и восстановления поголовья охотничье-промысловых животных северо-запада Сибири. Согласно концепции того времени, заповедник представлял обширный резерват, из которого в окрестную тайгу расселялись ценные для экономики животные; вокруг заповедника находилось несколько производственно-охотничьих станций, где соболь добывался в промышленных масштабах (более 1 000 шкурок ежегодно). Васильев пробыл на посту директора почти десять лет (1929–1938) и руководил как охотохозяйственной деятельностью, так и работами по изучению лесных угодий, строительству помещений для сотрудников, прорубке и очистке лесных дорог, организации научных исследований, мерами по популярным в те годы отлову и переселению животных (ондатр, 1932 и бобров, 1935), а также акклиматизации американской норки (1937).

Различие в приоритетах, смена научной парадигмы, а также личные качества привели к тому, что уникальный научный коллектив заповедника оказался расколот конфликтom между директором и прибывшим в заповедник в 1938 г. заведующим научной частью Василием Скалоном (1903–1976). Хотя до него бобров изучали и другие сотрудники заповедника (в частности, специализировалась на этом зоолог Зоя Георгиевская¹⁹), Скалон, проработав в заповеднике всего три года (1938–1941), единственный собрал и обобщил полевой материал в монографии «Речные бобры Северной Азии» (1951), за что ему была присвоена ученая степень доктора биологических наук (Скалон 1951). В этой монографии Скалон констатировал, что «единственным местом, где бобр уцелел в заметном количестве в пределах Сибири, является Кондо-Сосвинский очаг» (Там же: 182) и резко критически отозвался о деятельности руководства заповедника в отношении поголовья бобров до 1940 г.²⁰, что, безусловно, было эхом давнего конфликта.

¹⁷ «Задолженность крайне тяготит самих остяков, но нет возможности ее выплатить» (Васильев 1927: 27), — свидетельствует Васильев, приводя цифру долга в 1926 г. в 218,65 руб. на человека. Сочувствие Васильева положению «тузнаселения» проявляется и в его сетовании на незаслуженно низкую рентабельность местных промыслов — прочных высокохудожественных изделий из остатков мехов и шкурок водоплавающих птиц, образцы которых он привез с собой.

¹⁸ Среди таковых: назначить честных и знающих остяцкий язык приказчиков, открыть хлебозапасный магазин в Шеркалах, добросовестно вести расчетные книжки, повысить грамотность населения, прервать порочную традицию несправедливого отношения русских к «тузнаселению» и др. (Васильев 1927: 29–30).

¹⁹ З. Георгиевская занималась изучением бобра с 1936 по 1947 г. Предпочитая полевую работу кабинетной, она была специалистом высокого класса, прошедшим стажировку в Германии. Автор трех научных работ и рукописи «Материалы к экологии речного бобра в Кондо-Сосвинском заповеднике» (переработана А. А. Насимовичем, опубликована частично под редакцией Ф. Штильмарка) (Георгиевская 1975).

²⁰ См. п. 12, 13 (о неразработанной методике учета бобров и не соответствующих действительности цифрах поголовья) и п. 14 и 49 (обвинения в «резкой деградации» поголовья в результате неудовлетворительной работы) (Скалон 1951: 182–183).

Все, знавшие Скалона, отмечают широту его научных интересов и энциклопедизм знаний, высочайшую научную продуктивность и организаторские способности. Его пребывание в Кондо-Сосвинском заповеднике составляло лишь эпизод его длинной и успешной научной биографии и было инициировано, в числе прочего, стремлением «затеряться» в период пика репрессий в отношении биологов. Отзвуки острой конфликтности присутствуют и в воспоминаниях дочери В. Скалона, и в книге Ф. Штильмарка, где приводятся фрагменты, иллюстрирующие «теневую сторону» «Васьки-Шайтана». Деятельная натура В. Скалона оказалась органически несовместимой с характером и складом личности В. Васильева. В книге Ф. Штильмарка для самого автора демаркационная линия проходит по строгости режима природоохранной деятельности, поэтому среди цитируемых Штильмарком меморатов — не лишённые эпического размаха свидетельства о «чемоданах денег» Васильева, его нечеловеческой стойкости к алкоголю и др. Однако факт, что на стороне, поддерживающей Васильева, остались ученые с безупречной репутацией, такие как З. Георгиевская и В. Раевский, говорит о том, что речь должна идти о смене парадигм и борьбе самолюбий, а не о битве добра со злом. Хотелось бы обратить внимание не столько на вполне вероятную с учетом времени криминализацию должности, сколько на потенциал эпизода образа Васильева (как «теневого», так и «светлого»), который с блеском развивает очерк Бианки. После Бианки Штильмарк пытается демифологизировать и дегероизировать образ «хозяина тайги»²¹, показательно выбирая те же средства «устной истории».

Возвращаясь к монографии Скалона, следует отметить, что значительная часть ее также посвящена культуре бобра и его многообразному значению в хозяйстве человека. Интереснейшими документами являются разработанные Скалоном анкеты (Скалон 1951: 202–203), материалы которых он и обработал. Среди важнейших выводов Скалон отмечает уникальность бобра среди неодомашиненных животных, секретность его культа, древность «бобрового хозяйства» и его связь с макроисторическими факторами: «На Руси деградация хозяйства и исчезновение бобра было следствием татарского ига. В Сибири — освоения ее русскими. В Монголии и Забайкалье — движения народов домонгольского периода» (Там же: 184).

Таким образом, сюжет о поиске и сохранении бобров показывает, во-первых, теснейшую связь этнографии и биологии, во-вторых, дает представление о пределах и способах политизации и мифологизации природоохранной деятельности, в-третьих, может быть прочтен как глава в истории освоения Северного Урала, который на протяжении 150 лет оказывается ареной разнонаправленных, но в то же время удивительно повторяющихся усилий и стратегий.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ И ЛИТЕРАТУРЫ

Васильев В. В., зав. п/отделом Охоты Тобокрзу. Отчетная докладная записка в Тобольскую Окружную плановую комиссию по обследованию водоразделов рек Конды, Большой и Малой Сосв, произведенного в 1926/1927 году. Машинопись. 30 с. // Архив музея заповедника «Малая Сосьва» им. В. Раевского.

Васильев В. В. Дневники (путевые заметки). 1933 г. Полевые работы в заповеднике. Комп. набор // Архив музея заповедника «Малая Сосьва» им. В. Раевского.

Васильева М. А. Очерк о первом директоре Васильеве В. В. и создании Кондо-Сосвинского государственного заповедника (рукопись, 1977–1979) // Архив музея заповедника «Малая Сосьва» им. В. Раевского.

²¹ Справедливости ради отметим наличие и нелюбимой характеристики резкости В. Скалона со стороны знавших его лично людей (Штильмарк 2002: гл. 3).

Бианки В. В. Васька-Ойка-Суд — Кожаный Чулок. Предыстория одного заповедника // Собрание сочинений: в 4 т. Л., 1976. Т. 4. С. 147–162.

Борейко В. Е., Парникоза И. Ю. Классики концепции заповедности (пассивной охраны природы). Киев, 2017.

Георгиевская З. И. Материалы по экологии речных бобров в Кондо-Сосвинском заповеднике // Бюлл. МОИП, отд. биол. 1975. Т. 80. Вып. 4. С. 70–77.

Инфантьев П. П. Путешествие к лесным людям. М., 1898.

Инфантьев П. П. Путешествие в страну вогулов. СПб., 1910.

Кожевников Г. А. Проклятый вопрос (к современному положению Университета). 7 февраля 1911 года // Человек. 2005. № 2. URL: <http://www.chelovek21.ru/sps.shtml> (дата обращения: 08.01.2019).

Курочкин Ю. Н. Рукопись, молчавшая полвека // Уральский следопыт. 1968. № 6. С. 60–62.

Мукало А. С. История формирования термина «Памятник природы» в Германии в XIX — начале XX века // Известия Саратовского университета. Нов. сер. Сер.: Науки о Земле. 2013. Т. 13, вып. 1. С. 50–56.

Носилов К. Д. Автономный Урал // Записная книжка-календарь Уральского кооператора на 1919 год. 1918. С. 72–76.

Носилов К. Д. Бобры // Уральский следопыт. 1968. № 6. С. 63–66.

Носилов К. Д. У вогулов. Очерки и наброски. СПб., 1904.

Носилов К. Д. Уральский речной бобр // Природа и охота. 1890. № 2.

Охапкин Ю. Д. Зауральский странник. Материалы к биографии К. Д. Носилова. Екатеринбург, 2012.

Поляков И. С. Письма и отчеты о путешествии в долину р. Оби. Прил. к 30 т. «Записок Импер. Академии наук» № 2. СПб., 1877.

Поляков И. С. Старинное и современное Лукоморье // Живописная Россия. Отечество наше в его земельном, историческом, племенном, экономическом и бытовом значении. СПб.; М., 1884. Т. 11: Западная Сибирь. С. 139–178.

Скалон В. Н. Речные бобры Северной Азии. М., 1951.

Созина Е. К. «Целый новый для меня мир»: этнографическая беллетристика К. Д. Носилова в русской литературе рубежа XIX–XX вв. // Quaestio Rossica. 2014. № 2. С. 193–211.

Штильмарк Ф. Р. На службе природе и науке. Документальная повесть о Кондо-Сосвинском боброво-соболином заповеднике и о людях, которые там работали. М.: ТОО «Логата», 2002 // Электронная антология «Культурное наследие Югры». URL: <http://hmao.kaisa.ru/object/1810641447?lc=ru> (дата обращения: 08.01.2019).

THE NORTHERN URAL: THE ROUTES FOR SEARCHING, EXPERIENCING AND ESCAPE

ABSTRACT: The article is devoted to the analysis of the research strategies of travelers and scientists of the second half of the nineteenth — first third of the twentieth centuries associated with the search and protection of endangered species of fur-bearing animals (West Siberian beaver and sable) in the Northern Urals and in the Ob region, which resulted in the creation of Ural State Beaver-Sable Hunting Reserve (later Kondo-Sosvinsky Reserve, 1929–1951). The article is based on fiction and journalistic texts, ego-documents by scientists and travelers of the nineteenth and twentieth centuries (I. Polyakov, K. Nosilov, P. Infantiev), monographs of biologists — employees of the Reserve, as well as the collections of the first director of the reserve V. Vasiliev and the employees from the museum of “Malaya Sosva” (a successor of Kondo-Sosvinsky Reserve). Some texts are introduced into scientific circulation for the first time, providing an opportunity to trace the diversity of researchers’ positions, their dependence on contemporary challenges, the scientists’ personalities and the historical and cultural situation of the time. The texts by scientists of the nineteenth and twentieth centuries, separated by social catastrophes of the revolution and the Civil war, reveal a strong tendency to the inseparability of biology and ethnography in travel notes and descriptions of the beavers’ distribution areas. The correlation of ethnography and biology, colonial and postcolonial discourses, centrifugal and centripetal tendencies of the Ural region and the interdependence of environmental and management activities are revealed, allowing to expand the range of research approaches applied to these texts.

KEYWORDS: environment protection, West Siberian beaver, Mansi (Voguls), Khanty (Ostyaks), I. Polyakov, P. Infantiev, K. Nosilov, V. Vasiliev, V. Skalon, Northern Ural Hunting Reserve, Kondo-Sosvinsky Reserve

NATALIA B. GRAMATCHIKOVA — Candidate of Philology, Institute of History and Archaeology, Ural Branch of the Russian Academy of Sciences; Ural Federal University (Russia, Ekaterinburg)
E-mail: n.gramatchikova@gmail.com